Расклад в современной российской литературе настолько плачевный, что это уже не объяснить ни переходными процессами, ни сменой поколений и фундаментальными изменениями сознания людей. При отсутствии среди современных авторов условно выдающихся имен и катастрофическом снижении числа заинтересованных образованных читателей вся нынешняя конструкция держится только на традиционных культурных опорах, феноменах и институтах. Один из них – литературный журнал.

Кто только не предрекал смерть этому культурному явлению! Но так называемая агония длится уж больно долго!

И только ролью экономических усилий, новаторством в продвижении марки в спасении и сохранении журналов дело не исчерпывается. Значит, есть великий мотив и предлог, пусть не понимаемый властью, но поддерживаемый редким читателем и самими живучими авторами.

Появилась тенденция не оплачивать даже скромными гонорарами тяжелый авторский труд. По мнению некоторых, это и есть конец. Но число писателей всегда достаточно, отбоя от рукописей нет. К тому же рождается новый тип автора – преуспевающий предприниматель, популярный общественный деятель, занимающийся на досуге литературным творчеством. Могут у большинства возникнуть вопросы к качеству продукта, но на это есть эксперты, субъективные оценки которых всегда будут ангажированы, зависимы и найдут своего героя, словно «бриллианты» в море рукописей. Значит, опять во главе угла роль личности в истории.

Поведут ли новые флагманы наш литературный корабль к процветанию – большой вопрос. Но время потянуть слегка удастся. И кто знает, не появится ли на горизонте новая возможность спасения. Как в сюжетах благословленной легкой прозы, которую журналы всегда отвергали.

«Дружба народов», 2018, № 3
Александр Котюсов
Плотность жизни

Рецензия на роман Лены Элтанг «Царь велел тебя повесить»

Интернациональный журнал приковывает внимание рецензией Александра Котюсова «Плотность жизни» на роман Лены Элтанг «Царь велел тебя повесить». Добротный анализ с опорой на текст, выкладки обоснованы,

свежесть мысли и оригинальность в каждом высказывании. Временами автор использует и достойные метафоры: «Детективный сюжет лишь ствол, обросший корою, закрытый ветками и листвой. «Царь» в первую очередь не детектив, а психологическая драма об одиночестве и любви, предательстве и ненависти, мести и доброте. Книга о человеческих судьбах. А еще – о чужих этому миру людях».

Опыт рецензента, книжный и жизненный, выделяет основное из романа, опираясь на роскошь аналитического мышления и теоретическую подготовку: «Где-то между страниц романа затерялись строчки про шаманов, которые могли видеть мир наизнанку. Что-то делали со своим глазом, как-то выворачивали его. Герои Лены Элтанг видят мир именно таким. Костас – через призму абсурда, заключенный вначале в странный свой дом, а затем в киношную тюрьму. Лютас – через белую простыню на стене. Зое – из урны с прахом. Роман страшен своей изнанкой. А еще в нем нет положительных эмоций, ибо нет счастливых людей вообще. Покажите мне хоть одного счастливого в этой книге, и я отрублю себе фалангу на мизинце, как отрубил Лютас на спор.

Раз, два, три, четыре, десять…

А где пять? Шесть, семь? Роман Лены Элтанг об этих пропавших цифрах. И о ненужных людях. О Костасе, Зое, Лютасе, Агне, Габии… все они неприкаянные, забытые, потерявшиеся, залезшие в чужие норы. Они словно рапаны – есть «такое морское существо, оно сверлит дырку в раковине моллюска и впускает туда что-то вроде травяного молочка. Потом ждет, пока хозяин раковины расслабится и откроет створки, а потом сжирает его целиком». Герои Элтанг живут, как рапаны, в чужой «раковине», в чужой стране, в чужом доме. «Царь» – это роман о хождении по мукам ненужных миру людей. «Перед тем,

как двигаться дальше, нужно посидеть, это и есть жизнь: перед тем как умереть, мы посидим». Кажется, что герои двигаются. Но все относительно. Они сидят. Сидят в тюрьме. Каждый в своей. И не хотят открыть дверь, которая вовсе и не заперта. Их дом – тюрьма. Или наоборот».

Сюжет романа будит вдохновение критика, в дальних уголках памяти просыпаются сокровенные смыслы и озарения: «Вот мы и подошли к главному герою книги. Старинный дом, с огромной историей, хранящий следы многих поколений. С тайниками, подвалами, обилием комнат, источенный жуками, подернутый сыростью. Но еще крепкий. Герои живы, пока он стоит. Стоит и хранит в себе все тайны. Дом словно солнце, вокруг которого вращаются все они – как маленькие планеты под действием сил притяжения. Одни хотят его сжечь, чтобы освободить место для новой стройки. Другие завладеть им, чтобы жить или перепродать. Костас дом не ценит, он достается ему совершенно бесплатно, за любовь, которой не было, за чувства, которых он стеснялся».

Выводы впечатляющи и утвердительны, уверяют в истине и полезности выверенных преподнесенных умозаключений: «У «Царя» нет хэппи-энда. Детективный клубок распутан. Главный герой оправдан. Но это не приносит ему радости. Дом сгорел. Больше нет той самой точки притяжения, вокруг которой крутились планеты. Теперь у каждого свой путь.

Элтанг открывает дорогу только Костасу. В Литве его не ждут, в Лиссабоне у него никого нет. «Почему я живу так, как будто я умер?» Где-то далеко, за тысячи километров, есть работа – смотритель маяка. Это место как раз для Костаса – есть над чем подумать, глядя вдаль. Остальные герои пусть ищут свою дорогу сами. Автор им не помощник».

«Знамя», 2018, № 7
Олеся Николаева
Дирижер
Стихи

И наконец, вернуться восвояси
и, опускаясь медленно на стул,
вдруг стать таким, каким ты в первом классе
вошёл в себя и в бездну заглянул.

Так подытоживает свой творческий отчет на страницах журнала мало похожая на других авторов, занимающая высокое положение в литературной иерархии, удостоенная множества премий и любви читателей Олеся Николаева.

Быть поэтом – значит сказать свое искреннее слово соотечественникам, пусть не пророка и властителя дум, но выстраданное дорогами жизни, встречами с высокими талантами, простыми мудрыми людьми, поверенное подвигом духовной жизни и воспитанием детей да учеников. Что есть творчество, как не приключение, наполненное событиями, восторгами или разочарованиями, но в большей степени освященное долгом перед собой и судьбой. Жить соразмерно со смыслами, быть в пучине страстей и борений народа, постигать красоту, истину и вселенскую справедливость Поэтической Миссии. Скромный вклад в духовное совершенство ближних, наверно, сегодня для многих и материально невесом, но важен сохранением национальных традиций, уклада праведной жизни, нравоучительным воспитанием потомков.

Исторические экскурсы, заключенные в напоминании о том, что мы не одиноки в мире, есть и зримая помощь славных предков, говорят лишь об одном – сейчас творится наше будущее, то, что свяжет духовность и труд

следующих поколений, откроет дорогу к свершениям и воплощению планов великих мечтателей и пророков исторического прошлого:

И птица Сирин здесь поёт
невиданной красы.
И в недрах – Древний Змей живёт,
и в кузнях – кузнецы.

Башмачкин мокрый снег жуёт,
Тряпичкин жжёт чубук.
И Клячкин открывает рот,
да вырубили звук.

Все рядом: там – приказчик пьян.
Ямщик попал в буран.
Святая Ольга жжёт древлян,
бьёт заяц в барабан.

Бомбист таскает динамит,
язык ломает фрик,
чело Державина томит
напудренный парик.

И стелятся туман и дым,
и Врангель входит в Крым.
Прощается славянка с ним,
а я останусь с ним.

Я бы и сейчас, пока не умолк
весь этот театр, таящий весть,
так бы и ждала, что сказочный волк
подтвердит: как названо, так и есть.

От самого горячего сердца строки подтверждают высокий голос творца, от каждого звука веет силой, словно рука спасения подается слабеющему отроку, нашему народу, жаждущему помощи в скорбях, хворях и болезнях душевных:

Ничего не умерло. Тот провал,
что скрывал пропавшее и темнил,
всё, над чем ты плакал, что целовал
да в слова обёртывал, – сохранил.

Свиристель, соловей ли – певучую вязь
всю впитал этот воздух густой.
Да и что нашептали нам духи, виясь,
с недоступной для нас частотой?..

Обращение к отцам нации, элите мнимой и подлинной обуреваемо честным взглядом на темы, идеи, понятия и вещи, но резонанс все же будет получен, пусть и в душе символической, непотопляемой, словно Китеж, в теле народной сущности империи, неисчислимой в испытаниях и страданиях, но зримо присутствующей в памяти людей:

Объясни, какая сила
дрожжи в пафос всей стране
накрошила, замесила.
Ишь, опять заголосила
с бабьим визгом о войне
бездна в белом зипуне:
бунта зуд, стальная жила,
зуб железный, глаз в огне.

То ли голь стучит в ворота
и открытым держит рот,
толстосум ли для чего-то
лезет задом наперёд.
– Хочет он переворота?
Вот ему переворот:

честь бастарда и блудницы,
совесть вора, власть слепца,
ум глупца, разврат черницы,
поученья подлеца,
гордость мытаря, у барда
типуны на языке.

Поэзия Олеси Николаевой – глоток подлинной свободы, пусть редкой в эпоху разнузданности и воли вольной, но дарящей шанс на возрождение культуры и смысла жизни всего человечества, стремление бороться, приглашение чувствовать, думать и жить в полной мере, укор всем слабым, чтобы не пасть духом, не пропасть в пучине быстротечного века, пронести сквозь годы надежды и гарантии счастливого будущего российской земли.

«Современная драматургия», 2018, № 3
Ярослава Пулинович
Саламандры
Пьеса в двух действиях

На страницах этого журнала достойна вдумчивого прочтения пьеса Ярославы Пулинович «Саламандры». Драматургическое олицетворение нравственных проблем современных людей с аналогиями на бессмертную классику наполняет яркими нотами настоящей, местами

резкой жизни отчетливо замысловатый глубокий сюжет, сочные характеры и динамичное действие.

Герои и персонажи представляют качественный срез общества, пусть разница в возрасте у них чуть больше десятилетия, но какая бездна разложилась в восприятии жизни, представлениях, привычках и даже предрассудках! Насколько разными, думающими и говорящими на чужеродных языках и понятиях выглядят они! И это даже не глухота и непонимание поколений, а констатация новых условий, типов людей, порой асоциальных, даже асексуальных, но свободных в желаниях и поступках, не испытывающих страха ни перед чем, своим неоправданным риском в действиях способных диктовать новые нравственные законы, вписывающих в историю человечества новую летопись чувств, отношений, установок и правил, дающих любви новые значения.

Текст пьесы вызывает стойкие непроходящие эмоции, порой до самых слез. Но Ярослава Пулинович не старается вызвать жалость, слезы очищения разбужены не от потери статуса, несовместимости людей с запросами настоящей эпохи, а скорее сыплются по идеалу, что свобода дискредитирована, оболгана демократия, низко опущены нравственные устои. Пусть у Чехова потерян для героев «Вишневый сад» как старый мир, в «Саламандрах» наследство в виде дома выступает ориентиром, проявлением настоящих, подлинных качеств героев, угрюмости, безнадеги и своеволия характеров.

Испытание жизнью все персонажи прошли весьма успешно, будет ли просвет в судьбах и душах, сказать однозначно нельзя. Но закалка произошла, счастье больше не дается с легкостью, в пучине страстей и борений вырабатывается крепкая сермяжная воля, воля к жизни, борьбе, становлению человека как гордого независимого существа и личности, в обществе или индивидуально,

ломая человеческую породу, выковывается будущее заслуживших страданиями сносную жизнь россиян.

И пусть старинный дом, где протекает крыша, как вся наша Россия, пока без надзора, расхищается бомжами и нехорошими людьми, свет истины уже освятил сознание неравнодушных творческих людей. В лабораториях драматургов вынашиваются идеи преобразования мира, со сцены доносится эхо будущих бурь зарождения новых созвездий личностей, свободных разумом и сверкающих нравственной чистотой.

«Наш современник», 2018, № 8
Елена Тулушева
Домой
Рассказы

В придерживающемся традиционных взглядов на развитие литературного процесса журнале стоит обратить внимание на публикацию Елены Тулушевой «Домой». Голос личный и всего поколения, чуждого либеральным ценностям и взглядам, собирающего, словно земли, российских авторов-патриотов, нашел отражение в рассказах и зарисовках молодого автора.

Трезвый анализ современных жизненных установок, отображение неприятной действительности и луч прозрения в надеждах на изменение и нравственное очищение духовных запросов и принципов. Детали подаются в столь ярком, отчетливом свете, что сознание читателей съеживается, снова и снова будоражит беспокойная мысль, а на бумаге явственно сквозит зерно правды, проступает в словах знание жизни, документальный приговор бесстыжим постмодернистам раздается в созидаемых характерах новых свободных героев.

Боль, как любовь, нашла пристанище в раздумьях и тревогах Елены Тулушевой. Тоскуя по Родине, теряя родных, герои несгибаемой волей творят священнодействие, где на алтарь души читателя принесено сильнейшее переживание, в пучине разгорающегося катарсиса обновляется самый корневой стержень человека. Родственные души двух субъектов литературы сливаются в экстазе правды, нравственной красоты и справедливости. «Лишний человек» всех времен русской литературы, созерцаемый современными ценителями слова, превращается в связанного с тобой кровными узами ближнего, литературного героя, деда, отца, мужа, друга, брата.

Зеркало словесности преобразило жизнь. Тонкая грань сострадания, личная боль изображения сблизили автора с народом, он получил вдохновение врачевать души своим талантливым голосом и пером, правдой жизни, документом эпохи, правом высказывания. Выдержать испытание жизнью – подвиг. Еще больший подвиг – честно поведать об этом людям. Не сойти с дороги истины, родством с каждым соотечественником доказать зримую правоту взглядов, которая выработала личность не в пыльных кабинетах, а в борьбе, грязи, слезах и крови реальной жизни.

Конечен век человеческой жизни, но бессмертно литературное произведение, акт возмездия творчества продлен до максимума, восприятие и анализ найдут нужные смыслы в воле писателя, одухотворят замысел отточенного таланта, обогатят читательский арсенал постижения для будущих бессмертных образцов. Жизнь продолжается, зарождаются новые поколения; сужен духовный кругозор только у ограниченных штампами, заблуждениями и комплексами ретроградов и либералов, только патриоты смогут повести за собой народ к созиданию нового Отечества, любовь и служение которому большое счастье для всех разумных людей.

«Наш современник», 2018, № 8
Анна Ревякина

Шахтерская дочь

Поэма

Долгие отголоски вызывает опубликованная в журнале поэма Анны Ревякиной «Шахтерская дочь». Честная, без прикрас картина непредставимой даже в воспаленных умах войны вызывает скорее не сочувствие, сострадание и слезы, а бурное несогласие, ужас, возмущение и страх за свой разум, что этого просто не могло быть. Но есть факты, люди посещают места боев, и нельзя отрицать реальность братоубийственной трагедии. И важно, что историю рассказывают уста молодой девушки, не испорченной опытом прожитых лет, живым языком юности отображены все оттенки произошедшей беды.

Детали, каждая вещь и прожитое событие, как крушение центра мироздания и мольба о справедливости, дышат в стихах безумной войной, расколотым миром и больным, жаждущим возмездия за зло мироощущением:

Надо лечь, пока держат стены,
пока крыша ещё цела.
У Марии дрожат колени,
над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром –
немигающий глаз отца.
Только глаз один, ни фигуры,
ни одежды, ни черт лица.
Этот глаз на реке – дорожка,
на стекле – серебристый блик.
Скоро-скоро опять бомбёжка
и глазной неуёмный тик.

Будни сражений, философия невыносимого выживания, ужас огня и пламени адского находят отклик в горячих и добрых сердцах, навсегда меняющих свою судьбу и смысл рождения, но заложивших в родовую память все причиненное зло со всей силой непостижимого взросления и скорого отмщения:

А пока ты лежишь в окопе,
пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи, рвётся небо,
на дыбы горизонт встаёт.
Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход.

Портрет человека из народа, восставшего на душегубов, доказывает силу сопротивления, надежду на счастливый исход, поддержку из самого сердца славянской цивилизации:

«На его руках умирали и воскресали, на его глазах открывались ходы в преисподнюю. Город детства его, город угля и стали, превращали в пустошь, в пустыню неплодородную. Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб, сеяли ужас, боль и жуткое "зуб за зуб", а зелёные пацаны, утверждавшие, что смерти нет, рыдали от страха, увидев свой первый труп. А увидев второй, начинали, кажется, привыкать, говорили: "Война – не место для бабьих слёз!" И у каждого в городе оставалась мать, в городе миллиона прекрасных роз».

Характер свободной души нашел отражение в выстраданных строках, виден смысл и неизбежность пред-

принятого сопротивления врагам без лица, рода и племени:

Мы – подвальные, мы – опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы – идея национальная,
мы – форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.

«Знамя» 2018, № 7
Емельян Марков
Шаги
Рассказы

Три рассказа Емельяна Маркова погружают в стойкие ассоциации картины всего смутного, что происходит с каждым человеком сегодня в нашей кризисной донельзя стране. Хитросплетения сюжетов, пиршество оригинальной мысли в столь малых объемах текста заставляют все глубже вглядываться в кружево произведения до самого постижения, почти озарения в том, что суть заложенного смысла – это ты сам, твоя жизнь и решимость – сможешь ли ты в ней что-то изменить.

Мысли, поступки, желания, не важно даже, чем они продиктованы – страхом ли, любовью ли, ненавистью, ставят все на свои места, всегда человек остается наедине с собой. И тогда невозможно солгать, оттянуть приговор совести, грозное время судьбы всегда спустит свой курок. Монолог, когда оправдания заменяют веские аргументы, нацелен в самое сердце дум и чувствований, но

от него невозможно отстраниться, забыть это спасительное мудрое разумение:

«Женщина как-то не бывает голой. Она бывает обнаженной. А мужчина наедине с женщиной остается именно голым. Надя думает, что я плачу от нежности в наших с ней общих сумерках. Она думает, что я самый нежный мужчина на свете. А я на самом деле плачу от стыда. От стыда я в нашей общей темноте становлюсь сам не свой. Надя говорит, что таких мужчин у нее никогда не было, что я уникален. Знала бы она истинную причину моей неутомимости и моей нежности. Я в таких ситуациях постоянно бьюсь в агонии стыда и боли. Я – конвульсирую, а ее поражает мой темперамент. Уже двадцать лет как поражает.

Мы вместе двадцать лет. Я знаю, что страх надо уметь преодолевать, как стыд. Знаю, что стыд надо преодолевать, как страх. Но только в наших отношениях с Надей я понял, что любовь надо преодолевать, как страх. И я пытаюсь каждый раз преодолеть любовь, как страх перед своим неизменным стыдом».

Обман воображения часто используют в своем арсенале писатели. Но когда обманывается сам автор и в процессе написания текста это отчетливо выпячивается, не скрываются мотивы и негативные эмоции, ему веришь всей душой.

Особняком в подборке стал рассказ «Шаги». Подмена понятий, самообман и ошибка в восприятии звука шагов пусть и яркая метафора, но отчетливо лишает героя смысла бытия, как и читателя. Опыт книги для современных авторов своеобразен: если ты близко к сердцу принимаешь фантазию, переживаешь за убийцу, радуешься за влюбленных, содрогаешься от ужаса потери, творчество уже навсегда проникло в тебя, шаги смыслов вошли в твою душу, ты не сможешь поначалу оценить урона, но

эти шаги ни с чем не спутаешь. Это твое проникновение во внутренний мир писателя, твоя плата ему за возбуждение творческим процессом, зарождение новой реальности, в которую ты будешь все время возвращаться и возвращаться.